

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Цзоу Синь
«Отражение китайской лирики в русской поэзии 1950-х-2020-х гг.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации**

Актуальность рецензируемой работы связана с тем, что она посвящена теме, которая недостаточно исследована в российском литературоведении - в том аспекте, который избрала диссертантка. И этот аспект закреплён в заглавии ее диссертации: *«Отражение китайской лирики...»*.

В литературоведческих трудах, посвященных китайским рецепциям в русской поэзии, речь идет либо о переводах с китайского, либо о влиянии, феномене стилизации и т.п. Цзоу Синь в своей работе объединила эти два вектора, показав их неразрывную связь и взаимообусловленность, и тем самым методологически подготовила выход своих аналитических штудий на новый уровень литературоведческого обобщения.

Степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, их новизна и достоверность.

Сразу же отмечу, что **новизна** исследования обусловлена двумя факторами. Во-первых, введением в научный оборот нового, «свежего» материала, или актуализацией до сих пор находящихся на периферии исследовательского внимания артефактов. Так, соискатель впервые анализирует неизвестную переводческую интерпретацию Бориса Слуцкого стихотворения Гэ Би-Чжоу, найденную ею в архиве поэта; актуализирует малоисследованные переложения с китайского Валерия Перелешина; переводческие версии китайского модерниста Ай Цина, предложенные А.И. Гитовичем и Юрием Сорокиным, и одна из первых рассматривает переводы школы «туманной поэзии», выполненные Натальей Азаровой и ее соратниками для антологии «Китайская поэзия сегодня», и также

одна из немногих обращается к поэме Владимира Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли».

Во-вторых, **новизна** предпринятого исследования инспирирована новой - коммуникативной - концепцией диссертантки, которая, открыто не артикулируется, но становится конструктивным принципом ее рассмотрения. И переводческие интерпретации (вторая глава), и «китайская» топика в оригинальной русской лирике (третья глава) рассматриваются диссертанткой как грани межлитературного и межкультурного диалога.

А для того, чтобы этот диалог не повис в воздухе, имел под собой «материальный базис», Цзоу Синь дает (в первой главе) краткий, но вполне релевантный обзор русско-китайских культурных связей второй половины XX века, и внимательно прослеживает динамику изданий китайской классической и современной поэзии, начиная с конца 1940-х годов, заканчивая началом 2020-х годов.

Рассматривая избранные переводы русских поэтов (которые, заметим, называются не переводчиками, а интерпретаторами), диссертантка говорит о том, что в области исследования художественного перевода, в частности, с китайского, есть «существенные задачи», которые «остаются... не только еще не решенными и даже не вполне поставленными» (с.67). Это, по мнению соискателя, - антиисторизм, игнорирование конкретно-исторических, идеологических условий формирования и бытования переводчиков, а также игнорирование национальной специфики.

И, обозначив эту сложнейшую проблему, соискатель смело бросается ее решать. Сразу же констатирую, что большинство ее исследовательских решений вполне обоснованы и убедительны.

Дело в том, что **доказательность** и **достоверность** ключевых положений, выносимых на защиту, определяется **алгоритмом исследования**, выработанным **лично** диссертанткой. В основе авторской методологии лежит **компаративистский метод**, который Цзоу Синь использует в разных

преломлениях. Во-первых, она цитирует подлинники, сопровождая их собственными структурно-семантическими пояснениями, показывающими глубокое знание китайской поэтики. Во-вторых, представляет вниманию читателей свой подстрочник. В-третьих, дает несколько художественных переложений одного и того же текста, сделанных разными поэтами или же поэтом и профессиональным переводчиком. Все это позволяет читателю увидеть преломления оригинала в разных переводческих зеркалах и самому сделать заключения об удачах или неудачах переводчика.

Подобные демонстрации всегда сопровождаются аналитическими комментариями. Увлекательно наблюдать, как Цзоу Синь скрупулезно и ювелирно точно оценивает все нюансы переводческих рецепций; с исторической, лингвистической, культурологической, эстетической точек зрения выявляет их достоинства или недостатки, объясняя их причины. Отдельно хочется отметить филигранный анализ тройного перевода стихотворения Ай Цина «Я люблю эту землю» (с. 68-79), сделанного А.И. Гитовичем, Л.Е. Черкасским и Юрием Сорокиным.

При этом, особо акцентирую, Цзоу Синь *всегда* дает подстрочник. И нередко ее подстрочник оказывается еще одним *поэтическим* переложением того или иного китайского стихотворения, вызывающем эстетический отклик. Чтобы не быть голословной, процитирую:

Я люблю эту землю
Если бы я был птицей,
Я бы тоже пел надорванным горлом:
Эту измятую бурей землю,
Реки, что всегда бурлят нашим горем,
Ветер, что бесконечно дует нашим гневом,
И непереносимо нежный восход из-за лесов...
- Потом бы я умер,
Даже перья мои сгнили в земле.

Почему в глазах моих слезы?

Потому что я так сильно люблю эту землю...

Подобные авторские переводы (язык не поворачивается назвать их подстрочниками) демонстрирует столь глубокое проникновение в смысловую и чувственно-эмоциональный строй подлинников и их тончайшую передачу на другом языке, что они, по моему убеждению, выступают неким **верификационным критерием** аналитических суждений диссертантки о переводах, сделанных другими авторами.

Нельзя обойти стороной еще два важнейших достижения Цзоу Синь. Одно из них мне видится в том, что она, подводя итоги своих аналитических штудий в финале второй главы, выявляет скрытую историческую динамику и стилистическую эволюцию художественных переводов, сделанных российскими поэтами на протяжении 70 лет. И эта эволюция справедливо увязывается соискателем с системой идеологических, политических, эстетических ценностей в российском социокультурном пространстве второй половины XX века - первой четверти XXI века. Действительно, на протяжении нескольких десятилетий культурной изоляции и идеологической цензуры перевод стал, с одной стороны, «окном в мир» для большого количества читателей, а с другой стороны – инструментом формирования искаженного представления об иной литературе и культуре. Однако с начала 1990-х годов поэты-переводчики работают над своими переводами в условиях культурной разомкнутости.

Замечу, что предпринятое в рецензируемой работе изучение художественных переводов в диахронии как динамического феномена диалога литератур, – совершенно *новая область* литературоведческих изысканий, позволяющая выяснить стратегии и приемы переводческой работы, которые объективно ведут к установлению глубинных, скрытых «механизмов», лежащих в основе межкультурной коммуникации.

Следующее важнейшее достижение диссертантки связано с ее анализом оригинальной русской поэзии. Это достижение заключается в том, что Цзоу Синь

вычленила разные грани отражения китайской семиосферы в творчестве российских поэтов разных поколений и художественных направлений, а именно – в произведениях Александра Гитовича и Ольги Седаковой и Владимира Кучерявкина.

Ценно то, что включение «китайской» топики в русские стихи у Цзоу Синь в третьей главе выступает в разных ипостасях. Исследователь вычленяет узнаваемые китайские образы-индексы, ономастически или ассоциативно отсылающие к природе, жизненному укладу, языку Китая, и обосновывает их ориенталистскую, метафорическую или символическую роль в контексте творчества анализируемых поэтов.

Однако особое внимание автор работы уделяет выявлению влияния философии, искусства и классической поэзии Китая. Компаративистский и интертекстуальный анализ лирического цикла Ольги Седаковой особенно наглядно это подтверждает. В «Китайском путешествии» Цзоу Синь тонко показала интерференцию авторского мироощущения и учения Дао, акцентировала в поэтике поэтессы отражения китайской живописи, а также обнаружила реминисцентное «эхо» образности и мотивики Ли Бо.

Еще одно важное достижение Цзоу Синь в третьей главе связано с ее интереснейшими гипотезами о функциональном потенциале китайских ассоциаций и аллюзий в анализируемых произведениях. Так, она справедливо усматривает присутствие двойной оптики в стихах А.И. Гитовича о Китае, где китайские образы оказывается иносказанием, шифрующим некие крамольные смыслы, связанные с ситуацией в России.

Китайская символика Ольги Седаковой, по мысли Цзоу Синь, выполняет иную – мета-моделирующую - функцию, она, наподобие платоновских эйдосов, оборачивается воспоминанием о «детском» рае, прародине души.

Весьма остроумен анализ поэмы В.И. Кучерявкина. Если Гитович в китайских реалиях шифровал советскую действительность, то Кучерявкин, доказывает Цзоу Синь, наоборот: российские реалии (в частности, события 1991

года) гротескно проецировал на китайскую историю. Очень любопытна гипотеза об имплицитном диалоге Владимира Кучерявкина с Ольгой Седаковой, хотя я с ней и не вполне согласна (слишком мало, на мой взгляд, текстовых переключек и схождений).

Очевидные достоинства диссертационного труда связаны как с незаурядными индивидуальными исследовательскими способностями его автора, так и с добротными традициями целенаправленного и разностороннего изучения трудов предшественников – на русском, китайском и английском языках, что является еще одним подтверждением **достоверности** защищаемых положений.

По долгу оппонента выскажу пару **критических** суждений.

1. Мне в работе не хватило теоретической подоплеки, в частности, связанной с рассмотрением переводческих традиций, сложившихся в России. Так, еще в начале XX века формировались два основных вектора: вольный перевод и более тщательный буквальный перевод, сторонники которого стремились к максимально точной передаче смысловой и мотивной организации оригинального текста в переводе. **Отсюда вопрос:** различаете ли Вы понятия *буквальный перевод*, *вольный перевод*, *переложение по мотивам оригинала*? И как-то эти понятия коррелируют с Вашими дефинициями и с анализируемым Вами материалом?

2. Второе замечание сугубо частное: при написании названия поэмы В.И. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» Вы допускаете неточность и пишете «Янчжоу». Почему – вполне объяснимо. Однако, возможно, автор вполне намеренно искажил написание топонима?

Очевидно, что сформулированные с позиции оппонента претензии не касаются сущности проведенных исследований. По существу, представленная диссертация, автореферат, а также соответствующие статусу квалификационной процедуры научные публикации диссертантки, вполне отвечают требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1. «Русская литература и литературы

народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Цзоу Синь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

29.11.2024

Официальный оппонент:

доктор филологических наук
(10.01.01 – русская литература),
профессор, заведующий
кафедрой истории журналистики и
литературы факультета журналистики
образовательного частного
учреждения высшего образования
«Московский университет
имени А.С. Грибоедова»

Любовь Геннадьевна Кихней

Подпись проф. Л.Г. Кихней заверяю.

Проректор по аспирантуре и докторантуре

к. филол. н., доцент

Герейханова К.Ф.

111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.

Московский университет имени А.С. Грибоедова.

E-mail: cra@adm.iile.ru Раб. тел.: 8-495-673-74-19